

УДК 323(082.1)

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В РАКУРСЕ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: РЕПРЕССИИ В СОЛТОНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1937–1938 гг.¹

Виктор Разгон, Галина Жданова

Аннотация. Изучение истории большого террора на микроуровне позволяет углубить представление о ряде базовых проблем истории массовых репрессий 1937–1938 гг., адекватное разрешение которых не представляется возможным в случае ограничения исследования только подходами, базирующимися на принципах и методах макроисторического исследования. Это вопросы о целях репрессивной политики, критериях и механизме отбора жертв репрессий, формах и способах взаимодействия органов НКВД, партии и местного актива в реализации репрессивной политики, специфике следственных процедур, применявшихся в годы Большого террора. Более широкий масштаб репрессий в Солтонском районе, по сравнению со многими другими районами Алтайского края, определялся: 1) проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной карательной акции, обусловленной «провалом» в выполнении плана хлебозаготовок и в проведении кампании по выборам в Верховный Совет СССР; 2) использованием местным районным руководством своеобразных методов реализации репрессивной политики, способствовавших эскалации террора (составление по результатам обследования колхозов специальных актов с обязательным указанием в них «врагов народа»); 3) нацеленностью репрессий на ликвидацию относительно развитых в районе неколхозных форм организации производства – единоличных и кустарно-промысловых хозяйств. Два последних фактора эскалации репрессий характеризуют специфику проведения репрессивной политики периода Большого террора в аграрных районах страны, ее направленность на решение задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозного строя. Хотя карательная акция, проведенная в Солтонском районе в ноябре 1937 г., имела характер «спецакции» и в этом отношении может быть расценена как «казус», выходящий за рамки среднестатистических репрессий, она во многом более рельефно, чем «рядовые» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции: крайнее упрощение следственных процедур, масштабная фальсификация обвинений, активное сотрудничество в проведении репрессий органов НКВД, партийных структур и сельского актива. В связи с этим данная репрессивная акция может быть расценена как один из кульминационных пунктов репрессивной политики по реализации приказа № 00447.

Ключевые слова: Большой террор, массовые репрессии, микроистория

Постановка проблемы. Интерес, проявляемый историками к феномену Большого террора, связан с актуализацией изучения модерниза-

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта регионального конкурса РГНФ «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» – Алтайский край «Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: механизм реализации, региональная специфика», проект № 14-11-22004а(р).

ционных процессов, в рамках исследования которых политическое насилие в разных его формах рассматривается в современной литературе (Кип, Литвин 2009) в качестве одного из важнейших инструментов социалистической модернизации сталинского образца, проводившейся в Советском Союзе в 1930-е гг.

Изучение истории Большого террора на уровне микроисторического исследования, основанное «не на разглядывании мелочей, а рассмотрении в подробностях» (как образно определил суть микроистории один из ее основателей Дж. Леви), открывает возможности для более глубокого раскрытия многих важнейших вопросов, связанных с изучением политики массовых репрессий: каковы были ее цели, каким был механизм отбора жертв, чем определялись мотивы, формы и способы взаимодействия в проведении репрессивной политики органов НКВД, партийных организаций и местного актива, в чем заключалась специфика репрессивных действий в отношении различных категорий населения? Был ли Большой террор «стрельбой в толпу», вакханалией убийств, как считают некоторые исследователи, или это была целенаправленная акция? Определялась ли целенаправленность в отборе жертв их принадлежностью к определенным категориям населения, указанным в основном репрессивном нормативном акте периода Большого террора — приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. (бывшие кулаки, белогвардейцы, члены небольшевистских партий, священнослужители, уголовники-рецидивисты) (Юнге, Биннер 2003: 84–93), или учитывались не только прошлые «политические грехи» и «темные пятна» в биографии, но и актуальный статус и деятельность жертв, а именно проявляемая ими в той или иной форме нелояльность к существующей социально-политической системе и экономическому строю.

Феномен Большого террора привлекает повышенное внимание исследователей истории сталинизма как в нашей стране (О.В. Хлевнюк (1992), Н.Г. Охотин (1997), А.Б. Рогинский (1997, 1999), Н.В. Петров (1997), Ю.Н. Жуков (2002), В.Н. Земсков (2009) и др.), так и за рубежом (Р. Конквест (1990), Дж. Гетти (2002), Л. Элман (2001), М. Юнге, Р. Биннер (2003) Н. Верт (2010) и др.). Исследуются и особенности проведения репрессивных акций в различных регионах СССР, в том числе в Сибири (Л.П. Белковец (1995), В.М. Самосудов (1998), А.Г. Тепляков (2008), А.И. Савин (2009), С.А. Папков (2012), В.Н. Уйманов (2012) и др.). Несмотря на появление специальных исследований по истории репрессий в отдельных районах и населенных пунктах — работы Р. Маннинга (1998), А.Ю. Ватлина (2004), С.А. Папкина (2009), Е.Ю. Виноградовой (2009), С.А. Шевырина (2009), — возможности для изучения такого сложного и многопланового явления, как Большой террор, на основе микроисторического подхода далеко не исчерпаны.

Выбор Солтонского района Алтайского края для изучения репрессий периода Большого террора на микроуровне обусловлен тем, что наряду с общими чертами реализация репрессивной политики в этом районе имела свои особенности, проявившиеся прежде всего в проведении здесь в ноябре 1937 г. массовой репрессивной акции районного масштаба (Юнге, Жданова 2010). Ее рассмотрение дает возможность углубить представление об обозначенных выше проблемах истории массовых репрессий, адекватное разрешение которых не представляется возможным в случае ограничения исследования только подходами, базирующимися на принципах и методах макроисторического исследования.

Исследование истории репрессий, проводившихся в одном из районов Алтайского края, предоставляет возможность выявления специфики проведения репрессивной политики в аграрных регионах, определения роли репрессий в утверждении колхозного строя.

Источники и методы. Статья написана на основе изучения материалов следственных дел, отложившихся в фондах отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края и архиве Информационного центра при ГУ МВД по Алтайскому краю, а также делопроизводственной документации (отчетов и протоколов районных партийных конференций, пленумов, собраний партхозактива и пр.) из фондов Солтонского райкома и райисполкома. Для статистического анализа использовались материалы базы данных отдела спецдокументации ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».

Методы исследования: микроанализ, сравнительно-исторический.

Общая характеристика района накануне 1937 г. Солтонский район был образован в 1924 г. в составе Алтайской губернии, а в сентябре 1937 г. в числе других 55 районов вошел во вновь образованный Алтайский край. Территориально он был значительно больше нынешнего Солтонского района (включал часть территории современного Целинного района), насчитывал к 1937 г. 23 сельских совета и более 85 тыс. жителей. С экономической точки зрения это был типичный сельскохозяйственный район Алтайского края, однако наряду с земледелием здесь в силу природно-географических условий (район располагался у подножия Алтайских гор) значительное развитие получили животноводство, а также пчеловодство, охота, заготовка и обработка древесины и другие промыслы. Посевная площадь в районе в 1937 г. составляла около 30 тыс. га, поголовье рогатого скота – 35,7 тыс., лошадей – 9,3 тыс., овец – 34,9 тыс.; на колхозных и индивидуальных пасеках содержалось 16,4 тыс. пчелосемей (ОСД ГААК 1937–1938а: Т. 2, 142–143). На территории района действовали несколько промысловых колхозов: «Лесовод», «Сибирский охотник», «Лесной строитель», «Красный горняк», промколхоз им. Литвинова. Особенностью социальной

структуры населения района было значительное присутствие «пришло-го элемента» – людей, прибывавших сюда в период коллективизации из других районов Алтая и регионов страны, спасавшихся от «раскулачивания» и голода 1932–1933 гг. (наличие в районе обширных промысловых угодий давало возможность выжить в голодные годы коллективизации за счет лесного собирательства, рыболовства, охоты). Отличительной особенностью района была высокая доля единоличных хозяйств, что объяснялось местным руководством притоком переселенцев из других регионов (ГААК 1938: 8). Характерная в целом для 1930-х гг. частая сменяемость районных и сельских руководящих кадров в Солтонском районе усиливалась провалом сельскохозяйственных кампаний в 1937 и 1938 гг., а также социальной нестабильностью, связанной со слабостью колхозного уклада и наплывом в район маргинальных социальных элементов из других мест.

Статистика репрессий. Согласно информации, содержащейся в базе данных отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», в 1937–1938 гг. в Солтонском районе были репрессированы 585 чел., в том числе мужчин – 584, женщин – 1. Из числа осужденных в Солтонском районе в 1937–1938 гг. были приговорены к высшей мере наказания (ВМН) 59%, тогда как в целом по Алтайскому краю в рамках реализации репрессивной операции по приказу НКВД № 00447 – 45,5%. Если в большинстве районов Алтайского края и страны в целом доля осужденных к общей численности населения не превышала 0,5% (в среднем по стране – 0,47%), то в Солтонском районе этот показатель составил 0,69%. В сравнимых по численности населения соседних районах Алтая в 1937–1938 гг. было репрессировано существенно меньше, чем в Солтонском: в Солонешенском – 276 чел. (в том числе к ВМН – 47,8%), Тогульском – 317 чел. (в том числе к ВМН – 56,8%), Чарышском – 329 чел. (в том числе к ВМН – 37,4%), Алтайском – 332 чел. (в том числе к ВМН – 58,7%). Следовательно, можно говорить как о больших масштабах репрессий в рассматриваемом районе, так и об их большей жестокости, проявившейся в высокой доле выносимых смертных приговоров.

Проведение карательной акции в районе в ноябре 1937 г. Более широкий, чем в других районах, масштаб репрессий в Солтонском районе объясняется главным образом проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной репрессивной акции районного масштаба. В 1937 г. район «провалил» выполнение плановых заданий по сдаче зерна государству: к ноябрю 1937 г. они были выполнены только на 25%, из-за медленного проведения уборочных работ «под снег» ушла значительная часть урожая. 15 октября 1937 г. было проведено специальное объединенное заседание бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома Зап-

сибкрая, по итогам которого было принято решение провести в районе кардинальную кадровую чистку и распустить старый состав райкома и райисполкома (ГААК 1937: 14).

Репрессивные меры не ограничились только «зачисткой» районного партийно-советского руководства, было также решено провести в районе массовую репрессивную операцию. По указанию краевого руководства начальником Солтонского райотдела НКВД А.Г. Агаповым был подготовлен именной список лиц, подлежащих аресту. Однако во время посещения 16–17 ноября 1937 г. Солтонского района начальником УНКВД по Алтайскому краю С.П. Поповым, прибывшим сюда для встреч с избирателями в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета, баллотировавшегося по Бийскому избирательному округу, было принято решение о значительном расширении рамок репрессивной операции и доведения масштабов арестов до 200–250 чел. По свидетельству начальника Бийского оперсектора Г.Л. Биримбаума, сопровождавшего Попова в этой поездке, «по пути следования в Солтон с Поповым, в селе Карабинка должно было состояться предвыборное собрание, но таковое не состоялось из-за отсутствия необходимого количества людей на собрании. <...> В частных разговорах, в Солтонском райотделении НКВД Попов высказывал... опасение, что его кандидатура по Солтонскому району в депутаты Верховного Совета СССР может быть провалена, т.к. Солтонский район составлял 55% к общему числу избирателей по Бийскому избирательному округу» (ИЦ при ГУ МВД по АК 1939–1940: 99–104; Жданова, Юнге 2010: 558–562). В связи с этим организуемая масштабная репрессивная акция должна была не только очистить села района от «контрреволюционных элементов», саботировавших выборную кампанию, но посредством запугивания населения обеспечить 100-процентное голосование.

Хотя проведенная вслед за этим в Солтонском районе карательная акция имела во многом характер «казуса» или «спецакции», поскольку выходила за рамки «рядовых» репрессий, имевших место в других районах, она во многом более рельефно, чем «среднестатистические» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции. В частности, рассмотрение реализации этой репрессивной акции позволяет конкретизировать представление о механизме отбора жертв террора, характерном для «кулацкой операции». Для определения жертв, как правило, использовались имевшиеся у госбезопасности компрометирующие материалы в отношении лиц, каким-либо образом привлекавших внимание органов (бывшие кулаки, «лишенцы», белогвардейцы, участники крестьянских восстаний времени военного коммунизма, бывшие члены антибольшевистских политических партий). Однако при проведении отдельных репрессивных акций, имевших территориальную и временную локали-

зацию, мог использоваться и такой метод отбора жертв, как их определение и формирование списков работниками НКВД непосредственно в селах совместно с представителями местной сельской администрации. При этом, как указывал сотрудник районного отдела милиции Б., принимавший участие в репрессивной акции в Солтонском районе, «кандидатуры на арест подбирали по признакам связей с кулаками, в прошлом судимых за какие-либо преступления, плохо работающих в колхозе...», а «отдельные активисты села для ареста называли лиц, с которыми они находились в неприязненных отношениях, и сообщаемые ими сведения для ареста носили склочный характер» (Массовые репрессии... 2010: 619–620).

Солтонская «особая акция» ярко демонстрирует тесное сотрудничество между органами НКВД и сельским активом в проведении репрессивной политики, которое могло приобретать самые разнообразные формы: от снабжения органов следствия ключевыми для оформления дела на арестованных документами (справками сельсоветов, характеристиками правления колхозов, актами колхозных ревизионных комиссий о саботаже, вредительстве) и вплоть до оказания помощи в проведении арестов (как это имело место в с. Карабинка). Специфика ноябрьской акции в Солтонском районе проявилась также и в том, что для ее осуществления, в связи с большим объемом проводимых в короткие сроки следственных мероприятий (каждый из участвовавших в акции следователей оформил дела на 20–60 чел.), привлекались не только сотрудники милиции, что было распространенной практикой в 1937–1938 гг., но и гражданские лица – работники райкома партии (Жданова, Юнге 2010: 564–571). Такая «партийная мобилизация» для участия в реализации приказа № 00447 является одним из свидетельств тесного сотрудничества партийных и чекистских органов в проведении политики массовых репрессий, штрихом к оценке Большого террора как репрессивной акции, спланированной партийным руководством, утвержденной решением Политбюро и проводимой на местах на основе общих и координируемых действий партийных органов и сотрудников НКВД.

В ходе проводившейся в условиях дефицита времени карательной акции была доведена до крайности характерная в целом для репрессий периода Большого террора фальсификация следственных материалов, приобретшая в данном случае почти тотальный характер. Об этом свидетельствуют отложившиеся в следственных делах материалы реабилитационных расследований, проводившихся во время «бериевской» и «хрущевской» реабилитаций.

Все названные выше характерные для Большого террора явления в наиболее явственной форме проявлялись как раз при осуществлении таких сжатых во времени локальных репрессивных акций, как проведенная в Солтонском районе.

Нацеленность репрессий на укрепление колхозного строя. Изучение истории массовых репрессий периода «Большого террора» на уровне рассмотрения их проведения в сельских районах позволяет конкретизировать представления о значении социально-экономических факторов в репрессивной политике, проявлявшемся в нацеленности репрессивных мер на укрепление колхозного строя. Как показывает изучение следственных дел репрессированных, далеко не последнюю роль в том, что они оказались в числе жертв репрессий, сыграло то обстоятельство, что они слабо интегрировались в колхозную систему или, более того, демонстрировали свою нелояльность колхозному строю или олицетворявшей этот строй сельской элите. В этом отношении многие следственные дела времени Большого террора отражают противоречия, характерные для становления колхозной системы в 1930-е гг.

Недовольство вынужденно вступивших в колхозы крестьян аграрной политикой советской власти приобрело форму своеобразного «скрытого бунта», проявлявшегося в отсутствии полной отдачи в труде, который не стимулировался должным материальным вознаграждением. Практически с самого начала реализации курса на насаждение системы колхозного производства властями использовались репрессивные меры, включавшие исключение из колхозов наиболее нерадивых работников, чистку их от «кулаков», осуждение за отказ от работы и хищение колхозной собственности (по закону об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 г.). Трудностями становления колхозного строя, саботажем колхозного производства со стороны значительной части загнанных насильно в колхозы крестьян был во многом вызван и всплеск репрессий, имевший место в 1933 г. и нашедший выражение в сфабрикованных ОГПУ делах о «белогвардейском» и «сельскохозяйственном» «заговорах» в Западной Сибири. Наряду с репрессивными принимались также и меры, определяемые историками как «колхозный неонэп», направленные на развитие колхозной торговли, снижение планов хлебозаготовок, расширение подсобных хозяйств колхозников. Хотя эти меры и позволили вывести сельское хозяйство из острой фазы кризиса 1932–1933 гг., они коренным образом не изменили сложившуюся систему перекачки внеэкономическими методами из деревни в город продуктов и сырья, которая не стимулировала колхозников к производительному труду (Зеленин 1994).

Характеризуя причины Большого террора 1937–1938 гг., исследователи указывают на стремление властей очистить советское общество от остатков «социально чуждых» классов в связи с переходом к режиму «социалистической демократии» и отменой ограничений в избирательных правах после принятия Конституции 1936 г., уничтожить «пятую колонну» на случай предстоящей войны с империалистическими державами (Хлевнюк 1992; Юнге, Биннер 2003: 242–246). Вместе с тем

имеется немало оснований полагать, что террор 1937–1938 гг., в ходе которого основную массу репрессированных составили сельские жители, можно рассматривать также и как попытку посредством экстраординарных мер укрепить колхозный строй, очистив колхозы от наиболее явно саботировавших колхозное производство «элементов» и воздействуя дисциплиной страха на остальных.

В докладе наркома внутренних дел Ежова Сталину о первых итогах операции по приказу № 00447 от 8 сентября 1937 г., который был составлен через месяц с небольшим после ее начала, говорилось, что проведение операции «очистило деревню, внесло в нее определенное оздоровление и вызвало большой подъем политической и производственной активности колхозников. В результате трудовая дисциплина в колхозах повысилась, невыходы на работу резко сократились, увеличилась производительность и качество труда» (Вертикаль Большого террора... 2008: 202).

Важную роль в этой репрессивной акции или, если использовать лексику Ежова, в борьбе за «оздоровление» колхозов сыграло применение обвинений в диверсионной деятельности, вредительстве и саботаже, выдвигавшихся по пунктам 7, 9 и 14 58-й статьи УК. При этом как «вредительство» и «диверсии» квалифицировались проявления бесхозяйственности, трудовой недобросовестности, различного рода упущения в хозяйственной деятельности: срыв посевной или уборочной кампаний, уничтожение колхозного имущества из-за пожаров, поломка сельскохозяйственной техники, падеж скота из-за бескормицы и эпизоотий, порча зерна из-за неудовлетворительных условий его хранения и т.п. Если до 1937 г. такие упущения в хозяйственной деятельности, как правило, оставались безнаказанными или наказывались общественным порицанием либо административным штрафом, а в ряде случаев – судебным преследованием и осуждением по статьям за хозяйственные преступления, то теперь такого рода проявлениям бесхозяйственности, которая во многом имела объективные основания в слабой материальной базе сельхозпредприятий, придавалась окраска политического преступления – «саботажа», «диверсии» или «вредительства» колхозному строю, что позволяло применять для наказания политическую ст. 58 УК и, значит, выносить более суровые приговоры, чем по статьям о хозяйственных преступлениях, в том числе и «расстрельные». Изучение статистики обвинений, предъявлявшихся жителям Солтонского района, осужденным в 1937–1938 гг., показывает, что п. 7 ст. 58 УК, предусматривавший обвинения в «подрыве» экономики, присутствовал в обвинениях, предъявленных 53,7% осужденных, п. 9 («вредительство») – в обвинениях 29,3%, п. 14 («саботаж») – 9,9% осужденных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Обвинения, предъявлявшиеся репрессированным
в Солтонском районе в 1937–1938 гг.***

Статья обвинения**	% от числа осужденных
58-2 УК РСФСР Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти	82,1
58-6 УК РСФСР Шпионаж	2,2
58-7 УК РСФСР Подрыв госпромышленности, транспорта, торговли, денежного обращения	53,7
58-8 УК РСФСР Совершение террористических актов	15,9
58-9 УК РСФСР Разрушение, повреждение с контрреволюционной целью государственного или общественного имущества	29,3
58-10 УК РСФСР Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению советской власти	32,6
58-11 УК РСФСР Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению преступления, участие в контрреволюционной организации	96,0
58-14 УК РСФСР Контрреволюционный саботаж	9,9

* Составлено на основе материалов базы данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».

** Большинству осужденных предъявлялись обвинения сразу по нескольким пунктам ст. 58 УК РСФСР.

Так, в колхозе им. Литвинова за «вредительство» были арестована целая группа руководящих работников, включавшая председателя правления колхоза, председателя ревизионной комиссии, счетовода (ОСД ГААК 1937–1938б: 235–238). Была осуждена «группа вредителей» и в колхозе им. Сталина, «которая уничтожила свиноферму и 20 лошадей» (ГААК 1938: 8). За срыв уборки урожая 1937 г. (завалило снегом 26 га неубранных полей, сгнил в копнах урожай на 1,7 га) и несвоевременную подготовку к зиме скотных дворов, расцененные как «вредительство» и «саботаж», был арестован и осужден председатель колхоза «Вторая пятилетка». По сведениям, приведенным районным прокурором Хорошаевым на пленуме Солтонского райкома партии 11 сентября 1938 г., в период Большого террора в районе были арестованы органами НКВД и осуждены до 50 представителей колхозного руководства. Поэтому «при выборе нового руководства колхозов колхозники отказываются, боясь в своей судьбе за завтрашний день» (ГААК 1938а: 17). Согласно сведениям, содержащимся в базе данных

ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», в 1937–1938 гг. в Солтонском районе были осуждены 9 председателей колхозов (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение репрессированных жителей Солтонского района по социальному положению / профессиям и мерам наказания*

Социальное положение / профессия (должность) на момент ареста	Число репресси- рованных		В том числе были приговорены			
			к расстрелу		к заключению в ИТЛ	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Члены колхозов (совхозов)	268	45,8	143	53,4	125	46,6
Единоличники	160	27,4	109	67,7	51	32,3
Служащие гос. учреждений	32	5,5	17	53,1	15	46,9
Кустари	20	3,4	11	55,0	9	45,0
Председатели, зам. председа- телей колхозов	9	1,5	7	77,8	2	22,2
Промышленные рабочие	9	1,5	7	77,8	2	22,2
Руководители предприятий	10	1,7	7	70,0	3	30,0
Директоры, зам. директоров МТС	4	0,7	2	50,0	2	50,0
Рабочие МТС	7	1,2	1	14,3	6	85,7
Работники здравоохранения	2	0,3	2	100,0	–	0
Работники образования	2	0,3	2	100	–	0
Служители религиозного культа	9	1,5	8	88,9	1	11,1
Представители других про- фессий	19	3,3	8	42,1	11	57,9
Без определенных занятий	32	5,5	21	65,6	11	34,4
Нет сведений	2	0,4	–	0	2	100,0
Всего	585	100,0	345	59,0	240	41,0

* Составлено по материалам базы данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».

Материалы следственных дел также свидетельствуют, что председатели колхозов, находившиеся в положении своеобразного «защемления» между двумя крайностями, когда, с одной стороны, над ними постоянно нависала угроза наказания в случае невыполнения производственных планов, а с другой – в их подчинении были работающие без стимулов к труду колхозники, что делало проблематичным их выполнение, активно использовали ситуацию эскалации репрессий для укрепления собственной власти и трудовой дисциплины в колхозах посредством избавления от лиц, уклонявшихся от работы и систематически нарушавших трудовой распорядок (ОСД ГААК 1937–1938: Т. 2, 5–8; Т. 6, 248, 290). Среди пострадавших в годы Большого террора были и сельские «правдолюбцы», критиковавшие руководство на колхозных собраниях, сигнализировавшие в средства массовой информации о не-

достатках и злоупотреблениях, допускавшихся колхозными руководителями. Даже начальник местного отдела НКВД Агапов, проявлявший особое рвение и энтузиазм в разоблачении «врагов народа» и «вредителей» (один из немногих в крае руководителей НКВД районного уровня, осужденный в 1940 г. за «нарушения соцзаконности», допущенные в ходе проведения операции по приказу № 00447), считал, что нередко руководители колхозов «проявляют антибдительность: пример, вышел колхозник из колхоза, так просят арестовать его как врага народа» (ГААК 1938: 8).

Как показывает изучение материалов, отражающих проведение репрессивной политики в Солтонском районе, в значительной степени эскалации репрессий в районе способствовало такое «изобретение» районных властей, как специально организуемое обследование хозяйственного состояния всех колхозов района, по результатам которого заполнялся составленный по определенной форме акт (его образец был разработан и передан в райзо начальником местной милиции Березко), в числе прочего включавший пункт «с обязательным указанием врагов народа», действовавших в том или ином колхозе. В некоторых из таких актов в качестве «врагов народа» указывалось до 10–12 чел., и «в данное время, – как отмечалось в одном из выступлений на пленуме райкома 11 сентября 1938 г., – не одна сотня работников не выходит на работу, ожидают, когда их арестуют» (ГААК 1938а: 14). Таким образом, этот пример показывает, что, достигая определенного предела, репрессии не столько дисциплинировали, сколько парализовали жизненную, в том числе и производственную, деятельность людей.

Подрыв рациональных оснований, определявших проведение репрессивной операции по приказу № 00447, одной из целей которой было укрепление колхозного строя, проявлялся и в том, что в ходе осуществлявшихся в сжатые сроки массовых репрессивных акций в жернова репрессий могли попасть не только нарушители трудовой дисциплины, пьяницы и нерадивые работники, но даже передовики колхозного производства. Расследование преступлений бывших сотрудников УНКВД по Алтайскому краю, проводившееся в 1939–1940 гг., когда после свертывания репрессивной операции, реализовавшейся на основе приказа № 00447, центральное партийное руководство решило указать НКВД на его место в системе власти и заодно переложить на него вину за массовые репрессии, включало проверку, в числе прочих, следственного дела на 32 чел., сфабрикованного в рамках вышерассмотренной карательной акции, проведенной в Солтонском районе. В ходе этой проверки заново собиралась информация, характеризующая социальное происхождение и трудовую активность осужденных. Согласно справкам, поступившим из колхозов и сельсоветов, среди осужденных по этому делу преобладали лица, вполне адаптировавшиеся к колхозным

производственным отношениям: «недобросовестно» относились к работе 11 чел., «удовлетворительно» – 2, а «добросовестно» – 13 чел., в том числе 6 чел. (20% от числа осужденных) премировались колхозным руководством за производственные достижения (ОСД ГААК 1937–1940: 181–185). Произвол, проявлявшийся в данном случае в действиях органов НКВД, был очевиден и некоторым представителям районного руководства. Так, директор местной МТС Стамбровский на районном партсобрании 26 мая 1938 г. по поводу карательной акции, проведенной в ноябре 1937 г., говорил, что «НКВД арестовала в Карабинке (в одном из наиболее пострадавших от репрессий сел. – В.Р., Г.Ж.) не вредителей, а просто мужиков» (ГААК 1938: 8).

О том, что среди целей репрессивной политики, проводившейся в период Большого террора, важное место отводилось укреплению колхозного строя, свидетельствует большое число репрессированных в этот период крестьян-единоличников, не желавших интегрироваться в колхозную систему. В Солтонском районе их доля среди репрессированных была выше среднестатистического уровня из-за более многочисленного слоя единоличников и кустарей в сельском населении района: если в целом по краю представители этой социальной категории среди репрессированных составляли не более 8%, то в Солтонском районе – 30,8%. При этом, как следует из данных табл. 2, единоличникам чаще выносились смертные приговоры, чем осужденным колхозникам.

Репрессивные операции периода Большого террора стали серьезным ударом по единоличному сектору, ускорили процесс перехода уцелевших единоличников в колхозы. Если в 1935 г. в районе имелось 2 600 единоличных хозяйств, то к маю 1938 г. их число сократилось до 900, т.е. в 3 раза (ГААК 1938: 5). Если в 1935 г. в единоличных хозяйствах было сосредоточено более 25% имевшегося в районе поголовья лошадей и 15% рогатого скота, то к 1938 г. эти показатели сократились до 2,5 и 2,6% соответственно (ОСД ГААК 1937–1938а: Т. 2, 142).

Выводы. Таким образом, более широкий масштаб репрессий в Солтонском районе, по сравнению со многими другими районами Алтайского края, определялся: 1) проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной карательной акции, обусловленной «провалом» в выполнении плана хлебозаготовок и проведении кампании по выборам в Верховный совет СССР; 2) использованием местным районным руководством собственных своеобразных методов реализации репрессивной политики, способствовавших эскалации террора (обследование колхозов с составлением специальных актов с обязательным указанием в них «врагов народа»); 3) нацеленностью репрессий на ликвидацию относительно развитых в районе неколхозных форм организации производства – единоличных и кустарно-промысловых хозяйств. Два последних фактора

эскалации репрессий характеризуют специфику репрессивной политики периода Большого террора в аграрных регионах, проявлявшуюся в ее направленности на решение задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозного строя.

Хотя карательная акция, проведенная в Солтонском районе в ноябре 1937 г., имела характер «спецакции» и в этом отношении может быть расценена как «казус», выходящий за рамки среднестатистических репрессий, она во многом более рельефно, чем «рядовые» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции: крайнее упрощение следственных процедур, масштабная фальсификация обвинений, активное сотрудничество в проведении репрессий органов НКВД, партийных структур и сельского актива.

Литература

- База данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».
- Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: IVDK, 1995. 316 с.
- Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 254 с.
- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Сост. М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. М.: Новый хронограф, 2008. 778 с.
- Виноградова Е.Ю. «Кулацкая операция» в Вышневолоцком и Фировском районах Калининской области // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 889–918.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФП. 44. Оп. 2. Д. 169. Стенограмма объединенного заседания бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома по вопросу о «Солтонском деле», 1937.
- ГААК. ФП. 44. Оп. 2. Д. 180. Протоколы партсобраний Солтонского района за 1938 г.
- ГААК. ФП. 44. Оп. 2. Д. 181. Протоколы пленумов Солтонского райкома ВКП(б), 1938а.
- Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.
- Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и политика. 2009. № 6 (33). С. 89–105.
- Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26.
- Информационный центр при ГУ МВД по Алтайскому краю (ИЦ при ГУ МВД по АК). Ф. 9. Оп. 29 а/с. Д. 576. Следственное дело по обвинению А.Г. Агапова, 1939–1940 гг.
- Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. 327 с.
- Маннинг Р. Бельский район. 1937. Смоленск: СГПУ, 1998. 128 с.
- Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.
- Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. 2. Оп. 7. Д. 5507. Т. 1–3. Следственное дело по обвинению Ф.М. Каширина, Н.И. Филиппова, Н.С. Сапожникова и др., 1937–1940 гг.

- ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5372. Т. 1–6. Следственное дело по обвинению И.А. Эмекова, М.Л. Потеряева, Ф.П. Атамасова и др., 1937–1938 гг.
- ОСД ГААК. ФР. 2. Оп. 7. Д. 6142. Т. 1, 2. Следственное дело по обвинению С.Г. Панина и др., 1937–1938а гг.
- ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7645. Следственное дело по обвинению Т.М. Дьяченко, А.К. Семенова, М. Кузнецова и др., 1937–1938б гг.
- Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75.
- Папков С.А. «Кулацкая операция» 1937–1938 гг. в Краснозерском районе Западно-Сибирского края // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 844–860.
- Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД, 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.
- Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе кулацкой операции НКВД // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 303–342.
- Самосудов В.Н. Большой террор в Омском Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 268 с.
- Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. 627 с.
- Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири (конец 1919–1941 г.). Томск: Томский государственный университет, 2012. 562 с.
- Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 270 с.
- Шевырин С.А. Проведение «кулацкой операции» 1937–1938 гг. в селе Кояново Пермского района Свердловской области // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 861–888.
- Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.
- Юнге М., Жданова Г.Д. Проведение карательной акции в Солтонском районе Алтайского края // Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. С. 556–578.
- Conquest R. The Great Terror. A Reassessment. London, 1990.
- Ellman M. The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror? // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53, № 8. P. 1221–1233.
- Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. 2002. Vol. 61, № 1. P. 113–139.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2014 г.

Razgon Viktor N., Altai State University (Barnaul, Russia)

Zhdanova Galina D., State Archive of Altai Region (Barnaul, Russia)

THE GREAT TERROR IN MICRO HISTORICAL RESEARCH: REPRESSIONS IN SOLTON DISTRICT OF ALTAI REGION IN 1937–1938*

Abstract. Studying the history of the Great Terror at the micro level allows us to concretize the knowledge of the basic problems of the history of mass repressions in 1937–1938 adequate resolution of which is not possible if the study is limited purely to approaches based on the principles and methods of macro historical research. These are questions about the objectives of the repressions, criteria and the mechanism for selecting victims of repressions, forms and methods of interaction of the NKVD, party organizations and local activists in the imple-

mentation of repressive policies, the specifics of investigative procedures during the Great Terror.

The repressions in Solton district, greater in scale if compared to many other districts of the Altai region, are accounted for by the following: 1) the special repressive action in November 1937 led to some 'failures' in the fulfillment of the grain procurement plan and in the campaign for elections to the Supreme Council of the USSR; 2) the use of specific methods for implementing repressive policies on the part of local district leadership that contributed to the escalation of terror (the examination of collective farms and compiling of special acts with an obligatory indication of 'enemies of the people'); 3) the emphasize put on eradication of non-collective forms of rural economy, which had been developed in Solton. The last two factors are indicative of the specificities of the repressive policies implemented during the Great Terror in rural areas of the country, with its focus on the tasks of socialist modernization related to the strengthening of collective farming.

Although the punitive action of November 1937 in Solton was more of a 'special action' character, and in this respect can be regarded as an 'incident', which was beyond the scope of the generally conducted repressions, it shows more clearly than 'ordinary' repressions do the specificity of the repressive operation fulfilled under the NKVD order № 00447: the extreme simplification of the investigative procedures, large-scale falsified charges, active cooperation in the implementation of repressive policies between the NKVD, party structures, and rural activists. Thus, this repressive action can be considered as one of the culmination points in the repressive policies on the implementation of the order № 00447.

Key words: Grate Terror, mass repressions, micro history

*The study is conducted under a research project of the regional competition held by the Russian Foundation for Humanities, 'Russian power will grow through Siberia and the Arctic Ocean' – Altai region 'Mass repressions in the Altai region in 1937–1938: mechanisms of realization, regional specificities, project № 14-11-22004a(p).

References

- Baza dannykh OSD GAAK «Uchet grazhdan, osuzhdennykh po politicheskim motivam (st. 58 UK RSFSR)» [The database of the Special Documentation Department of the State Archive of Altai region 'Records of citizens convicted for political reasons (art. 58 of the RSFSR Criminal Code)'].
- Belkovets L.P. «Bol'shoi terror» i sud'by nemetskoi derevni v Sibiri (konets 1920-kh – 1930-e gg.) [The 'Great Terror' and the fates and fortunes of German villages in Siberia at the end of the 1920s and in the 1930s]. Moscow: IVDK, 1995, 316 p.
- Vatlin A.Iu. *Terror raionnogo masshtaba: «massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom raione Moskovskoi oblasti 1937–1938 gg.* [Terror of local scale: 'mass operations' of NKVD in the Kuznetsk district of the Moscow region in 1937–1938]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 254 p.
- Vert N. *Terror i besporiadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and disorder. Stalinism as a system]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 447 p.
- Vertikal' Bol'shogo terrora. *Istoriia operatsii po prikazu NKVD № 00447* [The vertical of the Great Terror. The history of operations fulfilled under the NKVD order no.00447], Compiled by M. Iunge, G. Bordiugov, R. Binner. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 778 p.
- Vinogradova E.Iu. «Kulatskaia operatsiia» v Vyshnevolotskom i Firovskom raionakh Kalininskoi oblasti, *Stalinizm v sovetskoi provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* ['The Kulak operation' in the Vyshnevolotskiy and Firovskiy districts of the Kalininsk region, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 889–918.

- Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [The State Archive of Altai region]. F. 44, in. 2, c. 169. Stenogramma ob"edinennogo zasedaniia biuro kraikoma VKP(b) i prezidiuma kraispolkoma po voprosu o "Soltonskom dele", 1937.
- GAAK*. FP. 44, in. 2, c. 180. Protokoly partsobranii Soltonskogo raiona za 1938 g.
- GAAK*. FP. 44, in. 2, c. 181. Protokoly plenumov Soltonskogo raikoma VKP(b), 1938a g.
- Zelenin I.E. Byl li «kolkhozniy neonep»? [Was there ever the 'kolkhoz neo-NEP (New Economic Policy)?'], *Otechestvennaia istoriia*, 1994, no. 2, pp. 105–121.
- Zemskov V.N. O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR [On the scale of political repressions in the SSSR], *Mir i politika*, 2009, no. 6 (33), pp. 89–105.
- Zhukov Iu.N. Repressii i Konstitutsiia 1936 g. [Repressions and the Constitution of 1936], *Voprosy istorii*, 2002, no. 1, pp. 3–26.
- Informatsionnyi tsentr pri GU MVD po Altaiskomu kraiu (ITs pri GU MVD po AK)* [The information centre at the Main Directorate of the Ministry of the Interior for Altai region (ITs pri GU MVD po AK)]. F. 9, in. 29 a/s, c. 576. Sledstvennoe delo po obvineniiu A.G. Agapova, 1939–1940 gg.
- Kip D., Litvin A. *Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaia istoriografiia*. Moscow: ROSSPEN, 2009, 327 p.
- Manning R. *Bel'skii raion. 1937*. Smolensk: SGPU, 1998, 128 p.
- Massovye repressii v Altaiskom krae, 1937–1938 gg. Prikaz № 00447* [Mass repressions in the Altai region in 1937–1938. Order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 751 p.
- Otdel spetsdokumentatsii Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia (OSD GAAK)* [Special Documentation Department of the State Archive of Altai region (OSD GAAK)]. F. 2, in. 7, c. 5507, vol. 1–3. Sledstvennoe delo po obvineniiu F.M. Kashirina, N.I. Filippova, N.S. Sapozhnikova i dr., 1937–1940 gg.
- OSD GAAK*. F. R-2, in. 7, c. 5372, vol. 1–6. Sledstvennoe delo po obvineniiu I.A. Emekova, M.L. Poteriaeva, F.P. Atamasova i dr., 1937–1938 gg.
- OSD GAAK*. F. R-2, in. 7, c. 6142, vol. 1, 2. Sledstvennoe delo po obvineniiu S.G. Panina i dr., 1937–1938a gg.
- OSD GAAK*. F. R-2, in. 7, c. 7645. Sledstvennoe delo po obvineniiu T.M. D'iachenko, A.K. Semenova, M. Kuznetsova i dr., 1937–1938b gg.
- Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii «nemetskoj operatsii» NKVD 1937–1938 gg., *Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskikh nemtsev* [From the history of the 'German operation' of NKVD in 1937–1938, The punished people. Repressions towards the Russian Germans]. Moscow, 1999, pp. 35–75.
- Papkov S.A. «Kulatskaia operatsiia» 1937–1938 gg. v Krasnozerskom raione Zapadno-Sibirskogo kraia, *Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [The 'Kulak operation' of 1937–1938 in the Krasnozerskiy district of the West-Siberian region, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938. The mass operation under the order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 844–860.
- Papkov S.A. *Obyknoennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440 p.
- Petrov N.V., Roginskii A.B. «Pol'skaia operatsiia» NKVD, 1937–1938 gg., *Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan* [The 'Polish operation' of NKVD, 1937–1938, Repressions towards Poles and Polish citizens]. Moscow, 1997, pp. 22–43.
- Savin A.I. Repressii v otnoshenii evangel'skikh veruiushchikh v khode kulatskoj operatsii NKVD, *Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [Repressions towards the evangelicals in the course of the Kulak operation of NKVD, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938. The mass operation under the order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 303–342.
- Samosudov V.N. *Bol'shoi terror v Omskom Priirtysh'e*. Omsk: Izd-vo OmGPU, 1998, 268 p.
- Teplakov A.G. *Mashina terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The terror machine: Joint State Political Directorate – People's Commissariat for Internal Affairs for Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 627 p.

- Uimanov V.N. *Likvidatsiia i reabilitatsiia: politicheskie repressii v Zapadnoi Sibiri (konets 1919–1941 g.)* [Elimination and rehabilitation: political repressions in Western Siberia at the end of the 1919th to the year 1941]. Tomsk: Tomsk State University, 2012, 562 p.
- Khlevniuk O.V. *1937-i: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [The year 1937: Stalin, NKVD, and the Soviet society]. Moscow: Respublika, 1992, 270 p.
- Shevyrin S.A. Provedenie «kulatskoi operatsii» 1937–1938 gg. v sele Koianovo Permskogo raiona Sverdlovskoi oblasti, *Stalinizm v sovetskoii provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [The conduct of the ‘Kulak operation’ in 1937–1938 in the village of Koyanovo in the Perm district of the Sverdlovsk region, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938. The mass operation under the order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 861–888.
- Lunge M., Binner R. *Kak terror stal «bol'shim»* [On how the terror turned ‘great’]. Moscow: AIRO-KhKh, 2003, 352 p.
- Iunge M., Zhdanova G.D. Provedenie karatel'noi aksii v Soltonskom raione Altaiskogo kraia, *Massovye repressii v Altaiskom krae, 1937–1938 gg. Prikaz № 00447* [The conduct of a punitive action in the Solton district of the Altai region, Mass repressions in the Altai region, 1937–1938. Order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 556–578.
- Conquest R. *The Great Terror. A Reassessment*. London, 1990.
- Ellman M. The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror? *Europe-Asia Studies*, 2001, vol. 53, no. 8, pp. 1221–1233.
- Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s, *Russian Review*, 2002, vol. 61, no. 1, pp. 113–139.